

«Два я боролися во мне...»

Алексей Константинович Антонов,
доцент Литературного института имени А.М. Горького,
кандидат филологических наук



Ф.Н. Глинка.
Гравюра К. Афанасьева.

- 1 -

В 1846 году Фёдор Глинка написал стихотворение «В защиту поэта». Там есть такие строки:

*Два я боролися во мне:
Один рвался в мятеж тревоги,
Другому сладко в тишине
Сидеть в тиши дороги
С самим собой, в себе самом.*

Подобную раздвоенность можно заметить и в жизни Фёдора Глинки. Бурная молодость, проведённая в боях и походах, участие в литературных батальных и тайных декабристских обществах сменяются с годами «сладкой тишиной», пребыванием «с самим собой, в себе самом».

В 10-е годы XIX столетия Фёдор Глинка увлёкся вольнодумством декабристов. Для человека его времени, воспитанного на Вольтере, на энциклопедистах, на идеях французской революции, это был почти обязательный этап. Но одни переносили его, как свинку или коклюш в детстве, немногие же другие шли до конца, до «глубины сибирских руд», до петли на Трубецком бастионе. Глинка был из первых. Его роман с тайными «противугосударственными» обществами продолжался недолго, но всё же оставил след в стихах. Так, в стихотворении 1822 года «Плач плененных иудеев» легко просматривается декабристская аллегория страданий народа:

*Увы, неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!*

Наследие

Так, после 1826 года знаменательно обращение Глинки (вслед за Пушкиным) к образу узника («Луна», «Песнь узника»):

*А бедный узник за решёткой
Мечтал о божьих чудесах...*

.....

И в книге тайной прошлой жизни

Он с умиленьем их читал

И с мыслью о святой отчизне

Сидел, терпел — и уповал!

Но в гораздо большей степени его влекла литература. Поэтому задолго до восстания на Сенатской площади он отходит от политики и становится одним из организаторов «Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения» (с 1818 года — «Вольное общество любителей российской словесности»), где был то вице-председателем, то председателем. Хотя среди членов общества было много литераторов, причастных к движению декабристов, его цели — помощь нуждающимся писателям и забота о чистоте языка — были далеки от политики. И Фёдор Глинка оказался там на своём месте.

- 2 -

Поэту нельзя жить долго. Нельзя переступать границ, нельзя переживать своё время. Особенно в России, где времена сменяются стремительно. Где что ни десятилетие — то «новые люди». Где «устаревших» людей 20-х годов вытесняют люди 30-х, людей 30-х — люди 40-х... И так далее.

В феврале 1880 года в провинциальной Твери, более чем на полвека пережив свою короткую славу, умер Фёдор Глинка.

Фёдор Николаевич Глинка родился в век Екатерины, под гром суворовских и ушаковских побед, под рокот державинской лиры. А когда умирал — страна уже вовсю передвигалась по железной дороге, недавно отпраздновала победу над «туркой», готовилась к Пушкинскому празднику, ожидала продолжения «Братьев Карамазовых», затаив дыха-

ние, следила за народовольческой охотой на императора. И 94-летний старец, должно быть, представлялся ей ветхим музейным экспонатом, страницей потрёпанного учебника, «преданьем старины глубокой». Если, конечно, вообще представлялся. Ведь и вправду сказать, не так уж много оставил поэт Вечности. Может быть, всего два-три произведения. Кто хоть раз в жизни ни слышал захлывающе-восторженные строфы его «Москвы»:

Кто, силач, возьмёт в охапку

Холм Кремля-богатыря?

Кто собьёт златую шапку

У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?

Кто Царь-пушку повернёт?

Шляпы кто, гордец, не снимет

У святых в Кремле ворот?!

Кто не певал (или хотя бы подпевал) ставшую народной «Тройку»:

Вот мчится тройка удалая

Вдоль по дороге столбовой,

И колокольчик, дар Валдая,

Звенит уныло под дугой.

Однако и этого достаточно, чтобы навечно войти в историю не только литературы, но и народа.

- 3 -

Фёдор Глинка не был нововводителем в поэзии. Он — из тех, кого Д.П. Святополк-Мирский в своей «Истории русской литературы» называет малыми поэтами или поэтами-эклектиками. В разные периоды он более или менее удачно воспроизводит чужие стили или веяния, не обладая собственной узнаваемой и индивидуальной манерой. В своих военных стихотворениях («Партизан Давыдов», «Партизан Сеславин», «Смерть Фигнера», «Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы»

А.К. Антонов. «Два я боролися во мне...»

и др.) он ориентируется на Державина и на «Певца во стане русских воинов» Жуковского, в онтологической лирике — на Батюшкова и т.д. Сильно, конечно же, и влияние Пушкина.

Наиболее самобытно талант Фёдора Глинки развернулся в народной, духовной («Опыты священной поэзии», «Духовные стихотворения») и, так сказать, экспериментальной поэзии. В народной лирике Глинка во много превосходит Некрасова. В духовной же стоит особняком, идёт своим путём. Эта сторона его творчества ещё и сегодня мало изучена и почти не известна. И пожалуй, не имеет аналогов в русской поэзии XIX века. Что же касается экспериментов, то Глинка, блестяще владея стихотворной техникой, тяготел к белому и свободному стиху, который чаще встречается в его философско-религиозной лирике:

*Все сущности вмести в себе природы,
Я был её устами и умом;
Я в ней читал все символы, все буквы,
И за неё я с Богом говорил...
Она, немая, чувствовала только,
А я один владел двумя дарами:
В устах носил алмаз живого слова,
А в голове луч вечный истин, мысль!..
Я постигал непостижимость время
И проникал все сущности вещей,
И обнимал сознанием пространство...
Я утопал в гармонии вселенной
И отражал вселенную в себе.*

Эти стихи и сегодня звучат современно.

- 4 -

Более известна проза Глинки, особенно военная. Именно она сделала имя Глинки громким и знаменитым. Фёдор Глинка опубликовал «Письма русского офицера» в 1815–1816 годах, можно сказать, по горячим следам событий. Ещё не написаны ни пушкинская «Бородинская годовщина», ни лермонтовское «Бородино», ни «Война и мир» Толстого, который, впрочем, как и Лермонтов, ещё и не родился. Ещё нет даже заголкинского «Рослав-

лева», этой первой, наивной и несколько оперной попытки отразить в вальтер-скоттовских «занимательных» формах грандиозный всенародный сдвиг.

Время художественного осмысления войны 1812 года было ещё впереди. Пока же начинала складываться мемуарная и документальная литература, в которой видное место принадлежит военной прозе Фёдора Глинки.

Слог Глинки-прозаика в батальных сценах — цезарев. Он лаконичен, беспристрастен, гол, прост и точен: «Колонны неприятельские роились в поле, 400 орудий покровительствовали им. Картечь наших 300 пушек не могла остановить их. Они падали, сжимались и шли! Тогда Багратион ведёт всё левое крыло в штыки. Сшиблись, освиrepели и дрались до упаду! Багратион ранен. Реданты в руках французов».

Это пишет Глинка-офицер. Как будто сочиняет репликацию в штаб. Но и тут двойственность. И тут он тяготеет к словесной игре и звукописи. То есть «втайне» остаётся поэтом: «...но всё ещё в разных частях линии французы свирепствовали, ноголюдствовали, губили и погибали. Многочисленная артиллерия гремела и громила». Или — «Багратион, схватя дивизию...» Здесь ощущается не только накал битвы, но и характер Багратиона.

В стиле «Писем русского офицера» много традиционного, характерного для сентименталистской эпистолярной прозы XVIII века: обращения к «любезному другу», цветистые описания природы и погоды, отвлеченные рассуждения. Во всём этом чувствуется карамзинско-державинский дух. Однако рядом (и в первую очередь — в батальных сценах) появляются черты, вполне реализовавшиеся уже в классической прозе XIX века. Здесь редко встретишь пышные романтические сравнения. Автор склонен «прозаически» полагаться на собственный опыт. Вот как, к примеру, он передаёт современникам грандиозный масштаб Бородинской битвы: «Я был под Аустерлицом, но то сражение в сравнении с этим — сшибка! Те, которые были под

Наследие

Прейсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение». А вот — описание пожара Москвы: «Я видел сгорающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная чёрно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!..»

«Я был...», «я видел...» — встречаясь постоянно, эти обороты придают особую, непререкаемую достоверность и зримость изображаемому событиям.

Фёдор Глинка дотошен и точен в описании самых малых мелочей военного быта. Он не останавливается и перед изображением жестокости войны. Тут его сентиментализм отступает в тень. Вот картина, достойная «Севастопольских рассказов» Л. Толстого: «На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пересыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и разможжённые руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...»

И если последующая русская проза и не училась у Глинки, то, по крайней мере, пошла тем же путём, путём точности, краткости, реализма.

- 5 -

За свою долгую жизнь Фёдор Глинка сменил много профессий и увлечений. Он был офицером, чиновником, декабристом, литератором, этнографом, путешественником, археологом, даже спиритом. Но чем бы он ни занимался, им всегда руководило одно главное чувство — любовь к отечеству. Этим чувством дышат его военные и народные стихи.

*...Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной... —*

пишет он в стихотворении «Сон на чужбине».

Любовь к «стороне родной» определила и его отношение к Наполеону. Тема Наполеона была для литературы XIX века пробным камнем. Но если французскими писателями Наполеон возвеличивался («Пармская обитель» Стендаля, «Граф Монте-Кристо» Дюма, «Отверженные» Гюго), если на своих страницах она вывела галерею миниатюрных наполеончиков (Стендаль, Бальзак), то в русской литературной традиции Наполеон — однозначно негативный персонаж. Таков он у Пушкина, Достоевского, Толстого, Гоголя. Исключение составляет, пожалуй, только «законченный» романтик Лермонтов. «Роевому» в своей глубине русскому сознанию претили крайний индивидуализм, практичный атеизм (кстати, «дубина народной войны» поднялась не в последнюю очередь и из-за кощунственного отношения французов к христианским святыням), взгляд на народы, как на «двуногих тварей миллионы».

В 1821 году Фёдор Глинка, наряду со многими поэтами, откликнулся на смерть Наполеона. Однако для него, адъютанта славного Милорадовича, участника Аустерлица и Бородино, Наполеон не изгнанник, не павшее величество, а только супостат, только враг России, чьё имя не достойно людской памяти:

*И все узнали: умер он,
И более о нём ни слова;
И стал он всем — как страшный сон,
Который не приснится снова;
О нём не вздохнет любовь,
Его забыли лести и злоба...*

Имя Фёдора Глинки не так часто, как хотелось бы, упоминается в школе. Но оно звучит всякий раз, как только речь заходит о войне 1812 года. Звучит как образец и синоним чести, верности, патриотизма.

